

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНИМОСТИ КОММУНИКАТИВНО-РАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению вопроса возможности прикладного использования социальной теории Юргена Хабермаса – концепции коммуникативной рациональности, и в частности, применения этой теории к сфере военной политики государства. Теория коммуникативной рациональности, являясь новым измерением социальной реальности, может стать основанием новой общественной теории и, как следствие, новой социальной практики.

Ключевые слова: социальная теория Юргена Хабермаса как концепция коммуникативной рациональности; структура коммуникативной рациональности как научно-теоретического философского знания; возможность применения и проблематизации знания о коммуникативной рациональности к военной политике государства; возможность разработки на этой основе новой системы региональной и международной военной безопасности.

A. Moldabaev

POSSIBILITY OF APPLICABILITY OF A COMMUNICATIVELY-RATIONAL PARADIGM IN THE MILITARY POLICY

Abstract: The given article is devoted to the question concerning the possibility in the usage of Jurgen Khabermas's theory – the conceptions of the communicative rationality and the usage of the theory in the sphere of the military politics of the state. The theory of the communicative rationality may become the basis of the new public theory and become the new social practice.

Key words: The social theory of Jurgen Habermas as the concept of communicative rationality; structure of communicative rationality as scientific-theoretical philosophical knowledge; possibility of application and problematisation knowledge about communicative rationality to the military policy of the state; working out possibility on this basis of new system of regional and international military safety.

В последнее время в научной литературе наблюдается повышенный интерес к коммуникационным проблемам взаимодействия, выявлению роли коммуникации в формировании объективной и рациональной основы взаимовыгодного сотрудничества и разработке соответствующих моделей политического поведения. Коммуникацию считают необходимым условием жизнедеятельности человека и одной из фундаментальных основ существования общества. История общественной мысли свидетельствует, что философы, социологи, политологи, культурологи, психологи, педагоги, лингвисты всегда исследовали проблемы человеческого общения, однако многие аспекты данной проблематики до сих пор изучены недостаточно.

Одним из наиболее влиятельных теоретиков социальной коммуникации является представитель Франкфуртской школы философии Юрген Хабермас, исследовавший различные типы коммуникации с различными типами рациональности и, в конечном счете, создавший концепцию (теорию, парадигму) коммуникативной рациональности.

Коммуникативно-рациональная парадигма вобрала в себя основные тенденции социальных проблем в изменившихся исторических условиях, таких как смена методологической установки и переход от философии разума к философии сознания, а затем к философии, опосредованной языком, что составило основное направление в социальной философии. Она, являясь новым измерением социальной реальности, претендует стать основанием новой общественной теории и, как следствие, новой социальной практики.

В условиях новой глобальной нестабильности, связанной с очередным геополитическим переделом мира, особое значение приобретает и военная политика. Именно военная политика способна обеспечить защиту национальных интересов, суверенитета и территориальной целостности государств. В современной ситуации явления и процессы военной политики предстают в виде разнонаправленных коммуникаций, призванных изменить коммуникационную оболочку военно-политической сферы и придать ей новые черты.

Современные исследователи отмечают, что коммуникация стала системообразующим элементом политики и приобрела в ней новый онтологический статус, утратив былой вспомогательно-технический характер [1;32]. Активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникативные технологии не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и повлияли на трансформацию многих форм политического поведения, моделей взаимоотношения между политическими субъектами.

Возможность применения коммуникативно-рациональной парадигмы в военной политике позволит по новому оценить и в другом методологическом срезе рассмотреть различные аспекты этого сложного социального явления. К примеру, кризис современных политических мотиваций можно определить тем, что односторонняя, ориентированная на критерии экономической и национальной рациональности мотивация проникла в те сферы, которые связаны с международными отношениями и сотрудничеством, что в свою очередь предполагает то, что они должны опираться и на другие критерии – критерии коммуникативной рациональности.

Явления современной военной политики, в свете концепции коммуникативной рациональности, представляют собой пример «инструментальной рациональности», наносящий вред системе коммуникаций в международных военно-политических отношениях, так как отдельные субъекты преследуют свои обособленные цели, и рассматривают окружающий мир только с точки зрения препятствования или помощи в достижении своих целей. О полноценной коммуникации здесь не может идти речь, так как не принимаются во внимание цели, мотивы и действия других субъектов взаимодействия.

Критерии коммуникативно-рационального взаимодействия предполагают, что военно-политическое сотрудничество должно выступать как созидательная форма взаимодействия, в которой важна направленность на выработку новых целей, прежде всего гуманистических, а также на поиск наиболее эффективных средств их достижения. Именно с такой формой коммуникации Ю. Хабермас и связывает понятие коммуникативной рациональности, под которой понимается прежде всего процесс выработки целостных культурных смыслов для достижения взаимопонимания [2;98].

Для решения возникающих политических противоречий необходимо обеспечить максимально возможное совпадение общих и частных интересов, а значит, сделать возможным коммуникативное взаимодействие. Добиться этого можно с помо-

щью активного конструктивного диалога, то есть аргументированного обсуждения проблем и обеспечения их всестороннего понимания с целью достижения соглашения. В данном случае более всего подходят критерии коммуникативно-рациональной парадигмы, нашедшие отражение в социальной теории Ю. Хабермаса [3]. В их числе:

- внедрение дискурсивной модели принятия политических решений;
- снятие табу с публичного обсуждения и анализа политических решений;
- морализация организационного поведения при помощи этических норм и принципов, устанавливающих «правильное» поведение;
- социализация участников, усвоение ими организационных ценностей и организационной культуры;
- гуманизация организационных отношений (отношения солидарности и уважения делает эгоистическое поведение невозможным);
- расширение ответственности правительств за проведение политики;
- формирование культуры доверия в отношениях.

В ходе применения этих установок выявляются привычные и потому часто «анонимные и незаметные предпосылки», которые определяют сущность содержания вопросов и ответов участников процесса коммуникативного взаимодействия, что в свою очередь важно для понимания сути проблемы. Дискурсивное обсуждение проблемы также позволяет снять искажения представлений о мотивах поступков окружающих, а также раскрыть реальные причины противостояния в конструктивном диалоге.

Для оптимизации военно-политической деятельности под критерии коммуникативной рациональности, в качестве первостепенной задачи необходимо отказаться от фактически полностью исчерпавших себя силовых методов решения международных проблем. Например, использование жесткого экономического или военного давления для решения межгосударственных противоречий, что только усугубляет конфликт и не учитывает интересы и возможности других. Такая тактика решения проблем отрицательно сказывается на отношениях между государствами, а значит, и на эффективности сотрудничества, то есть ведет к еще более серьезным проблемам, чем те, которые была призвана решить.

В этом отношении Ю. Хабермас предлагает разработать общественные моральные принципы, сформулировать обобщенные представления о должном, уяснить смысл и степень обязательности различных требований, привлекаемых в качестве регуляторов, определяющих нормы действия и поведения, аналитически исследовать, чем руководствоваться в ситуации нравственного выбора. «Моральное действие» необходимо встроить обратно в слишком развитые в техническом отношении «целерациональные» или «инструментальные» действия [4; 289].

Сегодня стратегические, целевые действия, которые раньше определялись историческими потребностями людей, принимаются исходя из возможностей и потребностей бюрократической, технической, научной подсистем общества, а не из интересов жизни большинства людей, народов. Отсюда вытекает актуальная задача - дать зеленый свет гуманизму и отношениям, построенным на взаимном уважении и доверии.

Среди различных негативных последствий «онаучивания» жизни, Ю. Хабермаса более всего беспокоит исчезновение моральности, как основы межчеловеческих отношений. Основное противоречие заключается в различии свободы и необходимости, в примирении технической целесообразности и экономических

возможностей с моральными требованиями. Поле их примирения и может выступить коммуникация. Коммуникация как деятельность, опосредованная символами, опирается на строгие нормы, признаваемые «сообществом совместно живущих и общающихся между собою людей» [4;296].

Рассмотрение возможности формирования военной политики в методологическом срезе коммуникативной рациональности, ее концептуализация в свете коммуникативного подхода позволит придать категории «военная политика» социологическую интерпретацию, переосмыслить ее в терминах универсальной и трансцендентальной прагматики как аргументативной коммуникации, исходя из фундаментального тезиса о том, что «понимать себя (мыслить) можно, только находясь в отношении с другими (общаясь)» [4;326].

В основе концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса лежит постулат о нормативных требованиях, предъявляемых к процессу коммуникативного взаимодействия - это требования истинности, правдивости и нормативной правильности речи, которые выступают как регулятивная идея процесса коммуникации в социокультурном пространстве [5;176]. Эти нормативные требования более всего применимы и для организации военно-политического взаимодействия между странами, особенно при ведении военно-дипломатической деятельности.

Разрабатывая теорию коммуникации Ю. Хабермас, вводит понятие «универсальной» или «формальной прагматики», которое понимается как процесс реконструкции универсального дотеоретического знания и делает возможным процесс понимания при взаимодействии [5;263]. Формальной прагматике противостоит эмпирическая прагматика, в том отношении, что последняя занимается не реконструкцией базовых оснований, а описанием и анализом особенностей употребления языковых средств общения. А универсальная прагматика фокусирует внимание на использовании языка, языковых актов или выражений. Теория формальной прагматики выступает основной частью фундамента хабермасовой критической теории общества и образует философские основания понятия коммуникативной рациональности.

Универсальная прагматика позволяет прояснить рациональные основания возможностей военно-политического взаимодействия, которые связаны с достижением или не достижением целей в коммуникативном взаимодействии. Посредством универсальной прагматики делаются определенные предложения, которые могут быть приняты или отклонены участниками этого взаимодействия, которые выдвигают свои «притязания на значимость» и тем самым требуют их признания [5;284].

Всякое коммуникативное взаимодействие имеет основание, которое Ю. Хабермас называет «притязанием на значимость» и вводит понятие «значимых оснований речи». Каждый участник коммуникативного взаимодействия, если он стремится к достижению понимания, должен учитывать следующие основания аргументации или «прагматические универсалии»: высказывание чего-либо понятного, выражение чего-либо понимаемого, создание условий для понимания себя, достижение понимания с другими.

Применяя эти основания аргументации к процессу организации военно-политического взаимодействия, это будет означать следующее: Первое требование предполагает подбор таких выражений и форм, чтобы между участниками коммуникативного процесса установились отношения взаимопонимания. Причем это должно происходить таким образом, чтобы субъекты, которые воспринимают информацию, чувствовали себя комфортно и могли свободно оперировать в проблем-

ном поле субъектов, которые представляют эту информацию.

Второе требование гласит о том, что предоставляющие информацию должны иметь определенные намерения для общения и обоюдной коммуникации. Субъектам, предоставляющим информацию необходимо выбирать такие средства выражения, чтобы сделать для противоположной стороны понятным смысл сообщения.

Третье требование призывает субъектов, предоставляющих информацию выражаться правдиво, то есть так, чтобы у воспринимающей стороны не возникало подозрений в искренности и усомниться в выдвигаемых утверждениях.

Наконец, четвертое требование свидетельствует о выполнении предыдущих трех и означает, что субъекты, предоставляющие информацию, выбирают истинные высказывания, с которыми может согласиться участник коммуникативного процесса. Консенсус здесь будет обусловлен принятыми нормативными правилами употребления языка.

Источником этих нормативных правил у Ю. Хабермаса становятся универсально-прагматические требования к речевому высказыванию или действию, без которых невозможен процесс коммуникации. Это, как уже было отмечено выше, требования понятности, истинности, правдивости и нормативной правильности. Универсальная прагматика изучает условия употребления языковых средств в коммуникативной практике взаимодействия. В самом общем виде задачей универсальной прагматики является определение и воссоздание универсальных условий возможного понимания. Как отмечает М.Е. Соболева, «понимание» в теории Ю. Хабермаса, обозначает восприятие лингвистического выражения обоими участниками коммуникативного процесса. В общем, плане оно означает, что между участниками существует согласие относительно обоюдно принимаемой нормативной базы коммуникации, понимание не как субъектно-объектное отношение, а как межсубъектное понимание в процессе коммуникации [6].

Целью достижения понимания в коммуникативном взаимодействии считается принятие соглашения, которое ограничивает субъективные интересы в пользу совместно разделяемого знания и взаимного доверия.

Рассматривая вопрос использования теоретических положений на практике, здесь можно выделить два типа связи практического опыта и научного знания. Знание может рождаться из опыта и благодаря ему быть сформулированным в научных терминах и организованным в качестве научной области. Возможен также и обратный процесс внедрения теории в практику, объективации научного знания.

В связи с этим Т. Лукман вводит в научный оборот термин «хабитуализация» (опривычивание) [7]. Если какой-то тип действий часто повторяется, он в результате становится образцом для воспроизведения, что непосредственно выражается в уменьшении выбора действий в конкретной ситуации, и обеспечивает экономию усилий. Если же теоретически существует большое количество вариантов действия для решения конкретной проблемы, то на практике оно всегда сводится к одной проверенной тактике. Это позволяет освободить энергию для творческого подхода к принятию решений, когда это действительно необходимо. Таким образом, «опривыченная» действительность дает возможность для инноваций. Прямым следствием «хабитуализации» становится институционализация, то есть возникновение определенных структур, которые специализируются на решении конкретных вопросов. Следствием институционализации становится возникновение контроля, стандартных технологий действия и т.д.

В современных условиях военная политика обусловлена многосторонними

изменениями системы международных военно-политических отношений, военно-политической и экономической деятельности, необходимостью уточнения существующих и формирования новых концепций и подходов к оценке стратегической стабильности и поддержания ее на высоком уровне, потребностью в разработке международно-правовых механизмов ее регулирования. Возникла нарастающая тенденция к отказу от силового подхода в решении межгосударственных противоречий, что ознаменовало переход к новому типу межгосударственных отношений, суть которого состоит, прежде всего, в взаимовыгодном сотрудничестве, основанном на равенстве и доверии, открывающим большие возможности для урегулирования спорных вопросов и конфликтов политическими средствами, путем диалога и взаимоприемлемых компромиссов. Впрочем, заметим: идет этот процесс весьма сложно и противоречиво, с откатами к использованию все той же силы.

Идея партнерства и интеграции обладает глубоким гуманным смыслом, и имеет давнюю историю. Она, наряду с другими концепциями, прошла исторический отбор, прежде чем получила практическую реализацию во внешнеполитических стратегиях многих государств и их союзов. Ю. Хабермас по этому поводу замечает об «уникальной способности общественности создавать, свои автономные объединения, формирования, действующие организованно, сплоченно, цивилизованно, политически грамотно» [8;112]. Но предупреждает об основных опасностях, которые могут угрожать этим процессам. Это, во-первых, проникновение в эти структуры и процессы эгоистических, индивидуальных и деструктивных интересов. Во-вторых, наличие угрозы власти бюрократических систем и стремление использовать в своих интересах процессы интеграции. В-третьих, опасность представляет внутренняя дезорганизация, которая грозит выродиться в слабость и нерешительность соответствующих социальных сил и движений. В-четвертых, существует и угроза бюрократизации прежде текущего, подвижного процесса жизнедеятельности этих социальных сил, их структур.

Теория социальной интеграции не лишена актуальности и значимости для анализа общественного устройства новых государственных образований (в том числе на пространствах бывшего СССР), так как именно с ее помощью можно найти противовес возможной иррациональности частного интереса, диктаторским устремлениям административной власти и окостенению, а порой и извращению демократических форм. Но существует объективная возможность рассмотреть условия формирования социально- и военно-политической стабильности и безопасности, в рамках отстаиваемой Ю. Хабермасом модели общественного устройства, которая опирается на идеал сообщества индивидов, самостоятельно определяющих формы своей совместной деятельности.

Демократизация в таком сообществе должна состоять не только в установлении принципа «разделения властей», она должна базироваться на дифференциации сил и влияний между различными источниками интеграции общества. В этом плане подразумевается ведущая роль общественности в формировании политического порядка и принятии ключевых решений для определения политики государства. Политика, должна стать видом рационального дискурса и способом обретения общественного консенсуса. Интегративная сила демократической коммуникации, создающая общественную солидарность, должна утвердить себя в противовес системной интеграции, происходящей в рамках монетарных и административно-властных отношений.

Проводя дальнейший анализ, можно заключить, что самоутверждение «про-

изводительной силы коммуникации» подразумевает также и возможность влияния на системные компоненты общества через политическую систему, через принимаемые к реализации стратегии военно-политических субъектов. Словом, есть все основания полагать, что возможные и фактические изменения в стратегиях военно-политических субъектов находятся в прямой зависимости от характера отношений между ними, движущей силой которых являются их же национальные интересы, реализация и защита которых, в свою очередь, составляют суть политики безопасности: национальной, коллективной и всеобщей.

Таким образом, появление коммуникативных механизмов в информационном обществе обусловлено его историческим развитием. Коммуникация как принцип социального взаимодействия представляет собой нормативную форму социального общения. Появление современных форм коммуникации обусловлено не только развитием информационных технологий, как это трактуется в современной литературе, но и переходом культуры от эпохи модерна к постмодерну, в котором коммуникация характеризует собой базовую интенцию современного общества.

Перспективы же развития и формирования военной политики в методологическом срезе коммуникативной рациональности могут обеспечить создание новой системы региональной и международной безопасности, основанной на принципах взаимного уважения, сотрудничества и доверия, направленной на миролюбие и гуманистическое отношение к действительности и участникам военно-политического взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вершинин М.Е. Политическая коммуникация в информационном обществе. - СПб., 2000.
2. Хабермас Ю. Модерн - незавершенный проект // Вопросы философии. - 1992. - №4.
3. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология. - М., 1991.
4. Марков Б.М. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб., 2001.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб., 2001.
6. Соболева М.Е. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. — 2002. - № 2. — С. 97-119.
7. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. - М, 1995.
8. Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А.В.Денежкина. — М., 2005.